

УДК 811.161.1'37'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-37-52

ОБРАЗНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА *РОДСТВО* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ж. В. Марфина

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

В многомерной структуре концептов основополагающей с точки зрения лингвокультурологии является образно-ценностная составляющая. Оценочность находит выражение в оценочной составляющей языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с различного рода определениями. В имени лингвокультурного концепта РОДСТВО отсутствуют словообразовательные средства, содержащие оценку. Интерпретация текстов (состоящих как из одного, так и из нескольких предложений), приводимых в словарях разных типов (академических, фразеологических, лингвокультурологических и пр.) в качестве иллюстративного материала к устойчивым выражениям образного характера с номинацией «родство», осуществленная преимущественно методами контекстуального и лексико-семантического анализа, позволила выявить образно-оценочный компонент лингвокультурного концепта РОДСТВО. Данный компонент актуализируется путем сочетаемости имени анализируемого концепта — номинации «родство» — в результате сформировавшихся в этих структурах контекстуальных и ассоциативных связей. Число определений, традиционно сочетаемых с номинацией РОДСТВО, включая содержащие в своей семантике оценочные элементы, невелико, что в значительной степени объясняется спецификой атрибутируемого феномена — отвлеченного понятия с достаточно высокой степенью абстракции: близкое (ближнее) родство — дальнее (отдаленное) родство; законное родство — незаконное родство и т. п. Образная составляющая концепта РОДСТВО реализуется в тех его компонентах, которые заключают в себе наглядно-чувственное представление: это паремии с компонентом «родство»; разного рода речевые штампы, прецедентные тексты и т. п. Наиболее распространенной идиомой с номинацией «родство» является выражение «Иван, не помнящий родства» («не помнящий родства»), которое приводится словарями разных типов с некоторой нюансировкой в толковании, однако при этом с весьма сходной образно-оценочной трактовкой: ‘о человеке, порвавшем связь с воспитавшей его средой’, – что в подавляющем большинстве случаев оценивается социумом негативно. В немногочисленных паремиях, включенных в существующие источники, подчеркивается особая значимость духовного родства, иронично оценивается желание человека быть в родстве с кем-то, не имея на то оснований.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; номинация «родство»; образный компонент концепта; ценностный компонент концепта; словарь.

Цитирование: Марфина Ж. В. Образно-ценностный компонент лингвокультурного концепта РОДСТВО в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского

государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 1 (65). С. 37–52. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-37-52.

The Evaluative Metaphoric Component of the Linguocultural Concept *Kinship* in the Russian Linguistic World-Image

Zhanna V. Marfina

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

From the linguoculturological point of view, the evaluative metaphoric component is fundamental in the multidimensional structure of concepts. Evaluativity finds expression in the evaluative component of the linguistic unit (concept name) as well as in the combination of this unit with various attributes. There are no word-formation means containing evaluation in the name of the linguocultural concept *KINSHIP*. The interpretation of texts (consisting of one or several sentences) presented as illustrative material for idiomatic expressions with the term “kinship” in various dictionaries (academic, phraseological, linguocultural, etc.), carried out mainly by the methods of contextual and lexical-semantic analyses, allowed us to identify the evaluative metaphoric component of the linguocultural concept *KINSHIP*. This component is actualized through co-occurrence of the concept name in question — the term “kinship” — with specific attributes as a result of contextual and associative connections formed in such structures. The number of attributes traditionally collocated with the term “kinship”, including evaluative elements in their semantics, is small, which, to a large extent, can be explained by the specifics of the attributed phenomenon: an abstract concept with a sufficiently high degree of generality which can denote close relations (kinship), distant relations (kinship), a legal relationship (kinship), an illegitimate relationship (kinship), etc. The metaphoric component of the *KINSHIP* concept is actualized through elements that contain a visual and perceptually-based representation: these are paroemias with the “kinship” component, various kinds of clichés, precedent texts, etc. The most common idiomatic expression with the term “kinship” is the expression “Ivan, who denies his own roots” (or, literally, “Ivan who does not remember his origin/kinship”), and even though various dictionaries give this idiom a relatively nuanced definition, all of them agree on its evaluative metaphoric interpretation: “about a person who has broken with the environment in which he was raised”, which, in the vast majority of cases, is seen as something negative. The few paroemias included in the existing sources emphasize a special significance of spiritual kinship, treating the desire to be related to someone without any reason with notable irony.

Key words: linguocultural concept; “kinship” term; concept figurative component; concept evaluative component; dictionary.

Citation: Marfina, Zhanna V. (2024) The Evaluative Metaphoric Component of the Linguocultural Concept *Kinship* in the Russian Linguistic World-Image. *LUNN Bulletin*, 1 (65), 37–52. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-37-52.

1. Введение

На рубеже XX–XXI вв. в рамках лингвистики оформилось новое исследовательское направление — лингвокультурная (лингвокультурологи-

ческая) концептология, — обусловленное, с одной стороны, утверждением в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы, следствием чего стала активизация культурологических исследований, с другой — усилением тенденции к междисциплинарности в сфере как гуманитарного знания, так и в науке в целом. Будучи одним из ответвлений лингвокультурологии, это направление специализируется на изучении природы концепта как конструкта национального сознания, которое, по выражению Г. Г. Слышкина, формируется трихотомией «язык — сознание — культура» (Слышкин 2004: 8) и закономерно находится в отношениях взаимодействия и взаимодополнения с параллельно развивающейся когнитивной концептологией.

Центральной категорией этой новой отрасли знания является лингвокультурный концепт (далее — ЛК) — «комплексная ментальная единица, фиксирующая своеобразие культуры и объективирующаяся в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума» (Кононова 2010: 8).

ЛК отличается от других обозначений ментальных единиц, которые используются в различных областях науки (например, от когнитивного концепта) акцентуацией ценностного элемента. Определяя концепты как духовные ценности, ученые выделяют в их структуре понятийную, образную и ценностную составляющие (Карасик 1996; Воркачѳв 2004), при этом доминантной определяют именно ценностный компонент (Ковшова 2017: 50) — в связи с тем, что в основе культуры лежит ценностный принцип.

В работах ученых-лингвистов (Степанов 1997; Попова, Стернин 1999; Карасик 2000; Кононова 2012) представлены различные подходы к определению ЛК, однако общим является мнение о многомерности и сложной структурированности этого феномена: «многослойность лингвоконцепта проявляется в наличии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений, компонентов, уровней и пр.), мнения исследователей расходятся здесь лишь относительно количества и характера последних» (Кононова 2012: 50–51).

К базовым концептам русской лингвокультуры, отражающим как общечеловеческие, так и национально-специфические представления человека о роде и родовых отношениях, относится ЛК РОДСТВО (Пименова 2013), одним из основных репрезентантов которого является его имя (номинация «родство»). Цель нашего исследования — определить условия и способы реализации образно-ценностного компонента лингвокультурного концепта РОДСТВО в русской языковой картине мира.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили словарные статьи и иллюстративный материал лексикографических источников разных типов, а также контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка. Основные методы, используемые в исследовании, — методы контекстуального и лексико-семантического анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Первостепенность образно-ценностного компонента является одной из особенностей ЛК, отличающих его от концептуальных образований других типов (когнитивного концепта, гештальта, фрейма и т. п.), о чем неоднократно писали исследователи (Телия 1990; Маслова 2010).

Анализ иллюстративного материала, сопровождающего в толковых словарях (ТСЖВЯ; ТСРЯ; ЭС) описание номинации «родство», позволяет утверждать, что данная номинация употребляется преимущественно с понятийными определениями. В основном эти определения выражаются относительными именами прилагательными, легко трансформирующимися в сочетания имен существительных с предлогами — ср., например: *кровное родство — родство по крови*. Система понятийных определений к номинации «родство» включает следующие компоненты:

кровное родство (родство по крови) — родство на основе брачных отношений (родство по браку, свойство);

близкое (ближнее) родство — дальнее (отдаленное) родство (заключенный в приведенных выражениях смысл может также быть передан словосочетаниями *близкий по родству* и *дальний по родству*, где формально в роли определяемого компонента выступает атрибутив, указывающий на признак (*близкий* и *дальний*), а номинация «родство» занимает позицию грамматически зависимого компонента, несогласованного определения).

Синонимичными являются словосочетания *близость родства — дальность родства*, где номинация «родство» также формально является грамматически зависимой от номинаций со значением признака: «близость» и «дальность»; *родство по отцу — родство по матери; восходящее родство — нисходящее родство; родство по прямой линии — боковое родство; родство первой (второй, третьей и т. д.) степени; законное родство — незаконное родство*.

В приведенных выше определениях в номинации «родство» оценочность в некоторой степени присутствует (так, словосочетание *законное родство*, как правило, имеет положительную коннотацию, тогда как

незаконное родство — отрицательную); все же оценочный компонент является в данном случае периферийным семантическим компонентом, к тому же не имеющим формального выражения.

Однако оценочный компонент, потенциально присутствующий в понятийных определениях, может актуализироваться контекстуально — ср., в частности, один из примеров, приводимых в толковых академических словарях русского языка (ССРЛЯ; БАС) для иллюстрации основного значения толкуемой номинации «родство» ('отношение между лицами, имеющими общих предков'): *Из других лиц, близких по родству, особенно много обязан был Пушкин своей бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал* (Н. Чернышевский) (БАС: 1397; ССРЛЯ: 719). В приведенном тексте близость по родству оценивается, безусловно, положительно. Дальность же родства оценивается если и не отрицательно, то — чаще всего — как не имеющая особого значения (а нередко — и вообще никакого) для отношений между находящимися в таких связях людей, как, например, в иллюстративном материале толковых академических словарей: *Я прихожусь им четвероюродным дедушкой, а в этой степени родства самая память об узах невольно исчезает* (М. Салтыков-Щедрин) (ССРЛЯ: 1397; БАС: 719).

Иногда влияние контекста как на определение, характеризующее номинацию «родство», так и в целом на выражение, в которое это определение включено, оказывается столь существенным, что наряду с оценочными компонентами в его семантике формируются и элементы *образного* и / или *символического* свойства, как, например: *Чувство кровного родства является благоприятной почвой для воспитания и развития отзывчивости, участливости, сердечности* (В. Сухомлинский) (БАС: 719). В данном контексте за счет включенности словосочетания *кровное родство* в развернутую метафору (*чувство кровного родства является благоприятной почвой*) используемое по отношению к понятию «родство» определение *кровное* приобретает не только позитивно оценочный, но и образно-символический смысл.

Особо следует остановиться на виде родства, конкретизируемом в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля определением *духовное*: той разновидности родства, которая, по свидетельству энциклопедических источников, с эпохи принятия и распространения христианства характерна для славянского мира, представляя собой, по определению исследователей, главный и наиболее почитаемый вид ритуального родства (Толстая 2009). В. И. Даль, лаконично характеризуя эту разновидность родства ('родство по восприятию от купели'), в то же время приводит в своем словаре синонимы как к собственно определению *духовное* (родство) — *крестное*,

так и к выражению *духовное родство* в целом — *кумовство*. Следует отметить, что ни один из более поздних толковых словарей не содержит информации об этом, чрезвычайно значимом для славян, виде родства и, соответственно, не приводит в связи с этим никакого текстового материала, иллюстрирующего функционирование данного выражения в речи.

Этнолингвистический словарь «Славянские древности» приводит синоним к выражению *духовное родство* — *крестильное родство* (СД: 443), тесно соотносимое с выражением *крёстное родство*. С. М. Толстая отмечает, что авторитет крестильного родства — как одной из ипостасей родства духовного — может в некоторых случаях превышать значимость родства кровного, поскольку накладывает «на восприемника ответственность за судьбу и нравственный облик своего крестника, который в свою очередь всю жизнь воспринимает своих крестных родителей как самых главных и авторитетных родственников (нередко ставит их выше родителей)» (там же).

Толковые словари XX и XXI столетий свидетельствуют о том, что семантика выражения *духовное родство*, охарактеризованная в Словаре В. И. Даля, при дальнейшем ее функционировании была существенно трансформирована.

При сохранении значения, отмеченного Словарем В. И. Даля, семантический объем данного словосочетания значительно расширился за счет синонимизации с выражениями, где номинация «родство» определяется различными грамматическими формами имени существительного «душа», которые в качестве иллюстративного материала приводятся практически всеми основными толковыми словарями русского языка: *родство души* (ССРЛЯ: 1307; БАС: 720), *родство души* (ТСРЯ: 1873), *родство по душе* (ССРЛЯ: 1307; БАС: 720).

Так, «Большой академический словарь русского языка» в 27 томах в качестве типичных (устойчивых) выражений с переносным значением толкуемой номинации включает выражения: *Родство души, по душе; родство духа* (БАС: 720). Таким образом, содержащаяся в этом источнике информация позволяет расширить синонимический ряд выражения *духовное родство*, включив в него, помимо приведенных ранее сочетаний, которые образованы по модели «*родство* + грамматическая форма имени существительного», выражение *родство духа*. Это выражение создано по аналогичной модели, однако с использованием грамматической формы синонима к номинации «душа» в одном из ее значений («внутреннее состояние, моральная сила человека») — дух: *духа* (форма мужского рода родительного падежа единственного числа).

Синонимический ряд выражения *духовное родство*, таким образом, в настоящее время имеет следующий вид: *духовное родство — родство души, родство душ, родство по душе, родство духа*.

Во всех текстовых иллюстрациях, содержащихся в академических толковых словарях, осмыслению понятия «родство» с относящимся к нему определением с оценочно-образных позиций существенно способствует включение этих выражений в разного рода *стилистические фигуры*. Так, выражение *родство по душе* в следующем примере: *Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек* (Н. Гоголь) (ССРЛЯ: 1307; БАС: 720) — включено одновременно в две стилистические фигуры: во-первых, фигуру *контраста*, основанную на реальном противопоставлении сходства внутреннего мира людей их сходству по наличию общего родоначальника: *родством по душе, а не по крови*; во-вторых, *сопряжение однокоренных слов*, одно из которых и является определяемым для анализируемого определения, уже включенного в фигуру контраста: *породниться родством по душе*.

Контекст также способствует актуализации оценочно-образного компонента выражения *родство духа* в следующем примере из «Большого академического словаря русского языка»: *Их родство духа всегда удивляло и радовало тех, кто встречал Кукрыниксов на своем пути* (БАС: 720). Во-первых, это явно метафорическое осмысление абстрактного понятия, его конкретно-образное «опредмечивание» (*родство духа удивляет и радует кого-то*); во-вторых, семантика привлеченных для метафоризации глаголов однозначно свидетельствует об исключительно позитивной оценке заключенной в выражении *родство духа* семантики.

Информация, содержащаяся в ряде лексикографических источников, позволяет некоторым образом дополнить не очень объемный перечень *оценочных* (в большинстве случаев — *оценочно-образных*) определений к рассматриваемому нами понятию.

Так, в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова и других для характеристики концепта РОДСТВО приведены всего два определения: «родство близкое, выгодное» (СРМ: 182). Определение *близкое* к номинации «родство» под влиянием контекста приобретает оценочные, а иногда и образно-символические семантические компоненты, а определение *выгодное* в сочетании с данной номинацией приобретает явный оценочный характер, обусловленный собственно семантикой самого прилагательного — ‘имеющий, дающий какую-либо выгоду, пользу, преимущества, благоприятный’.

Образная составляющая рассматриваемого концепта ожидаемо реализуется в тех его компонентах, в которых преобладает наглядно-

чувственное представление. Это, с одной стороны, единицы языка, содержащие образность, зафиксированную в коллективном языковом сознании нации: прежде всего фразеологизмы, а также иные идиоматические единицы, к которым при широком понимании принадлежат пословицы и поговорки, крылатые выражения, разного рода речевые штампы, получившие широкую распространенность цитаты и т. п.

Наиболее распространенными идиомами с компонентом *родство* являются сходные по составу, но существенно отличные по толкованию разными источниками выражения *Иван, не помнящий родства* и *не помнящий родства*. В толковании данных идиом словарями русского языка различных периодов отражена не только историческая, но и явная социокультурная составляющая. Впервые, по нашим наблюдениям, обе идиомы были зафиксированы «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: выражение *не помнящий родства* — в качестве устойчивого выражения, толкуемого как ‘человек, не дающий властям сведений о своем происхождении, месте рождения и т. п.’ и снабженное пометами «дореволюционное» и «официальное»; выражение *Иван, не помнящий родства* — как текстовый пример, иллюстрирующий приведенную идиому (ТСРЯ).

«Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах при толковании основного значения лексемы «родство» в качестве устойчивого сочетания приводит выражение *не помнящий родства* со значением ‘в дореволюционной России — тот, кто не знает или не дает сведений о своем происхождении, месте рождения и т. п.’, т. е. трактует его как историзм, подтверждая сформулированное значение иллюстрациями из классической русской литературы: *Кузмич, выдававший себя за не помнящего родства бродягу, знал иностранные языки и всеми приемами своими величавой ласковости обличал человека, привыкшего к самому высокому положению* (Л. Толстой) (ССРЛЯ: 1398).

«Русский семантический словарь» Н. Ю. Шведовой при толковании основного значения номинации «родство» приводит оба идиоматических выражения, одно из которых — *не помнящий родства* — квалифицируется как историзм (‘тот, кто не знает или не дает сведений о своем происхождении, месте рождения’; устар. офиц.); второе — *Иван, не помнящий родства* — как фразеологизм со значением ‘о человеке, не дорожащем старыми связями, а также прошлым своего народа, родины’, снабженным пометой «презрительное» (РСС: 836).

Наиболее развернуто и, с нашей точки зрения, последовательно оба рассматриваемых выражения представлены в «Большом академическом

словаре русского языка», где они описываются при толковании основного значения лексемы «родство». Выражение *не помнящий родства* квалифицировано как устойчивое (типичное) словосочетание со значением ‘в дорев. России — тот, кто не имеет сведений или притворяется, что не имеет сведений о своем происхождении, месте рождения и т. п.’ и проиллюстрировано двумя примерами из классической русской литературы (БАС: 719–720).

Выражение *Иван, не помнящий родства* квалифицировано как фразеологическая единица со значением ‘о человеке, порвавшем связь с воспитавшей его средой’ и проиллюстрировано двумя весьма показательными контекстами, отчетливо «оттеняющими» смысл включенного в них фразеологизма: *Мы не Ивановы, не помнящие родства. Нам дорого все, что сотворено дедами и прадедами, что славит талант и мастерство народа* (Л. Кудреватых); *Без преемственности искусство делается «Иваном, не помнящим родства»* (В. Яковлев) (БАС: 720).

Специальные фразеологические словари (ФСРЛЯ; ФРСЯ; ФССРЛЯ) в большинстве своем приводят оба выражения, при этом иногда объединяют их в одной словарной статье, тем самым демонстрируя общность ключевого компонента, иногда — «разводят» по разным сегментам источника, что свидетельствует и об отнесенности этих выражений к различным семантическим объединениям.

Примечательно, что в одном из первых справочных пособий русского языка, системно представившем афоризмы (КС), помимо характеристики исходного значения выражения *не помнящий родства* (*непомнящий родства*), которое изначально (в течение XIX в. и в начале XX в.) использовалось как юридический термин, отражено и начало формирования в его семантике вторичных (собственно фразеологических) значений: «*Непомнящие родства*. Старинный юридический термин, который применялся к беспаспортным бродягам. ...Выражение это употребляется как характеристика ренегатов» (КС: 371).

Помимо приведенных выше выражений, номинация «родство» является компонентом нескольких паремий, которые зафиксированы Словарем В. И. Даля (ТСЖВЯ) и им же составленным сборником «Пословицы русского народа» (ПРН): *Близкое родство: на одномъ солнышкѣ онучи сушили!* и *Родство дѣло святое, а деньги — дѣло иное. Кумовство да свойство — ближнее родство; Духовное родство пуце плотского; Зевок пополам — быть в родстве.*

Несмотря на небольшой объем паремийного корпуса с компонентом *родство*, он, с нашей точки зрения, заслуживает безусловного внимания, поскольку часть входящих в него единиц отличается глубоким философ-

ским смыслом, зафиксировавшим своеобразие русской (и отчасти восточнославянской) ментальности. По нашему мнению, наиболее отчетливо это выражено в паремии *Духовное родство пуще плотского*, утверждающей приоритетность духовных связей между людьми, общности их жизненных взглядов, убеждений, стремлений и т. п. по отношению к тем связям, которые формируются у них при наличии общих предков (т. е. *кровному*, или *плотскому*, родству). Очевидно, что в этом устойчивом выражении заложен не только *образный*, но и *оценочный* смысл, который отражает особенности национального мировосприятия.

Сходное содержание, хотя и выраженное менее категорично, заключено в паремии *Кумовство и свойство — ближнее родство*, приравнивающей некровное родство (например, родство *крестильное* как одну из разновидностей родства *духовного*) к родству *ближнему* (= *близкому*).

Приоритетность родственных связей по отношению к материальным благам (деньгам в частности) подчеркнута в паремии *Родство дѣло святое, а деньги — дѣло иное*: это достигается атрибуцией номинации «родство» именем прилагательным *святой*. Приведенное выражение, как и большинство паремий, допускает различные интерпретации; одна из которых может иметь примерно следующий вид: ‘при решении материально-имущественных вопросов родственные отношения не принимаются во внимание’.

Еще в двух паремиях из приведенного перечня: *Близкое родство: на одномъ солнышкѣ онучи сушили!*; *Зевок пополам — быть в родстве* — иронично осмысливается стремление некоторых людей казаться *близкими* родственниками кого-то, нередко настаивающих на этом родстве. В таких случаях настаивающая сторона часто приводит «аргументы», не имеющие ничего общего с действительным родством (наличием общего предка) — именно они и высмеиваются в этих устойчивых выражениях. При этом явную лингвокультурную значимость первой из идиоматических единиц придает включение в ее состав обозначения распространенной в быту наших предков-славян повседневной реалии — *онучи* (‘обмотки под сапоги или лапти’).

При установлении образной составляющей концептуализируемого понятия, безусловно, необходимо обращение не только к толковым словарям, но и к лингвистическим источникам других типов, несмотря на то, что в них информация может быть представлена менее системно и дифференцированно.

В частности, информация, расширяющая представление об образных характеристиках лингвокультурного концепта РОДСТВО, содержится

в одном из словарей, созданных на основе Национального корпуса русского языка, — в «Словаре русской идиоматики» Г. И. Кустовой, имеющем подзаголовок «Сочетания слов со значением высокой степени» (СРИ). В словаре приводится единственный пример сочетания номинации «родство» с определением, обозначающим высокую степень заключенного в определяемом слове понятия — *глубокое родство*.

Правомерность включения словосочетания *глубокое родство* в «Словарь русской идиоматики» Г. И. Кустовой подтверждается примерами входящих в Национальный корпус русского языка контекстуальных употреблений данного выражения (всего 16 примеров), которые образно конкретизируют (наглядно-чувственно иллюстрируют) входящий в его семантику образный компонент. Функционирующему в этих контекстах выражению *глубокое родство* во всех случаях присуща метафоричность, хотя и проявляющаяся в каждом конкретном случае в неодинаковой степени, что в первую очередь обусловлено стилистической принадлежностью текстовых фрагментов. Иллюстрации взяты из научных и научно-публицистических произведений (философской и литературно-критической направленности), а также из литературно-художественных и публицистических текстов: *Взаимная их страсть была основана на глубоким родстве их душ — даром что Горн был талантливым художником, космополитом, игроком...* (В. Набоков); *Коротко говоря, если вы находите миражом весь этот мир — кстати, обратите внимание на глубокое родство слов «мир» и «мираж», — то нет никаких поводов выделять женщин в какую-то особую категорию* (В. Пелевин).

В приведенных примерах определение *глубокое* очевидно указывает на высокую степень обозначаемого номинацией «родство» признака, однако функционирование этого словосочетания в художественной речи придает ему дополнительную экспрессию, что в первую очередь обусловлено актуализацией контекстуальных и ассоциативных связей с другими образными элементами. Так, в контексте *Я таю от гордого и печального взгляда верблюда, я чувствую глубокое родство с медведем и зеброй* (Н. Берберова) экспрессия выражения *я чувствую глубокое родство с медведем и зеброй* существенно повышается в результате корреляции с синкретичным тропом (метафорой, распространенной эпитетами): *таю от гордого и печального взгляда верблюда*, — который функционирует в первой части текстовой иллюстрации. Особенно показательным в плане повышения экспрессивности рассматриваемого определения к номинации «родство» представляется следующий контекст: *Умер, ...так и не прочитав романа ...и не ощутив глубокого родства с его несчастным героем*

(Л. Улицкая*), где в пространной синтаксической конструкции, помимо образного выражения *не ощутив глубокого родства (с его несчастным героем)*, функционируют три распространенных метафорических эпитета, находящихся в ассоциативно-образном взаимодействии с анализируемым элементом.

Примечательно, что и в помещенных в словаре Г. И. Кустовой фрагментах, взятых из научных текстов, также можно наблюдать актуализацию образной семантики выражения *глубокое родство* за счет сформировавшихся в контекстах связей, например: *И магия имеет глубокое родство с естествознанием и техникой* (Н. Бердяев); *Основываясь на первой части этого сочинения, мы утверждаем, что взгляды Риккерта находятся по существу в глубоком родстве с учениями, им оспариваемыми* (Н. Лосский).

Приведенный текстовый материал, иллюстрирующий ценностную и / или образную составляющую концепта РОДСТВО, по большинству своих параметров соотносим с примерами, сопровождающими описание концепта РОДСТВО в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова и других. Представленный в этом источнике иллюстративный материал в основном включает оригинальные тексты русских классиков (философов и поэтов) и ряд примеров из академических словарей, «зафиксировавших русские тексты в их по преимуществу близком к исконному представлению русских концептов [по ранним изданиям произведений]» (СРМ: 11). В иллюстративный корпус словарной статьи «Родство» в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова и других входит одно высказывание из поэтической речи, где образность языковых единиц по определению повышается. В данном случае образно-метафорически (за счет включенности в синкретичный троп — сравнение, распространенное эпитетами) осмысливается выражение *близкое родство: Дружба их была столь же священна, как самое близкое родство* (А. Пушкин).

Наиболее показательным с точки зрения образного осмысления ценностного компонента концепта в индивидуально-стилистическом ключе является следующий контекст: *Эта группа людей [одинок] будет жить и развиваться среди человечества, но против человечества, отрицая самый его корень... В каждом племени и народе эта группа не будет иметь связывающих боковых скреп в виде горячо лелеемого родства* (В. Розанов). Определение *горячо лелеемое*, употребленное с номинацией «родство», является, безусловно, отражением индивидуально-авторского мировосприятия упомянутого автором понятия и убедительным (с высокой

* Улицкая Людмила Евгеньевна признана Минюстом РФ иностранным агентом в РФ.

степенью воздействия) образно-экспрессивным подтверждением содержания первой части высказывания.

4. Заключение

Таким образом, проанализированный материал демонстрирует разнообразие способов образного и ценностного осмысления имени лингвокультурного концепта РОДСТВО. В процессе исторического развития русского языка в течение XIX–XXI вв. часть выражений с номинацией «родство» закрепились в системе языка как элемент с устойчивой семантикой (будучи по составу двух- и более компонентными, по значению они могут быть сведены к одной семантической единице, семеме) и характеристиками фразеологических единиц.

Анализ текстового материала позволяет прийти к заключению о том, что сочетающиеся с номинацией «родство» определения под влиянием сформировавшихся контекстуальных связей актуализируют потенциально в них присутствующий оценочный и образный элемент. Этому процессу в компонентах лингвокультурного концепта РОДСТВО ожидаемо способствует их введение в состав изобразительно-выразительных средств — в первую очередь тропов, включая синкретичные тропеические образования, и разного рода стилистических фигур.

Список литературы / References

- Воркачѳв С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. [Vorkachyov, Sergey G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyj concept* (Happiness as a Cultural and Linguistic Concept). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16. [Karasik, Vladimir I. (1996) *Kul'turnye dominanty v yazyke* (Cultural Dominants in the Language). In Karasik, Vladimir I. (ed.) (1996) *Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty: sb. nauch. trudov* (Linguistic Persona: Cultural Concepts). Volgograd; Arhangel'sk: Peremena, 3–16. (In Russian)].
- Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20. [Karasik, Vladimir I. (2000) *O tipah diskursa* (On the Types of Discourse). *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* (Linguistic Persona: Institutional and Personal Discourse). Volgograd: Peremena, 5–20. (In Russian)].
- Ковшова М. Л.* Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. [Kovshova, Mariya L. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* (Dictionary of Linguoculturological Terms). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Кононова И. В.* Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): Автореф. дис. ...

- д-ра филол. наук. СПб., 2010. [Kononova, Inna V. (2010) *Struktura i yazykovaya reprezentaciya britanskoj nacional'noj moral'no-eticheskoj konceptosfery (v sinhronii i diahronii): Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* (British National Moral and Ethical Conceptosphere Structure and Linguistic Representation (in Synchrony and Diachrony): Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Saint-Petersburg. (In Russian)].
- Кононова И. В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации // Вестник Ленингр. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. Сер.: Филология. 2012. Т. 7. № 1. С. 49–60. [Kononova, Inna V. (2012) *Struktura lingvokul'turnogo koncepta: metody vyyavleniya i mekhanizmy semantizacii* (The Structure of a Cultural Concept: Methods of Analysis and Mechanisms of Semantization). *Pushkin Leningrad State University Journal*, Vol. 7, 1, 49–60. (In Russian)].
- Маслова В. А. Культурный символ и его роль в создании национальных ценностей // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конф., посвященной юбилею проф. В. Н. Телия: в 2 т. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 65–67. [Maslova, Valentina A. (2010) *Kul'turnyj simvol i ego rol' v sozdanii nacional'nyh cennostej* (Cultural Symbol and Its Role in the Creation of National Values). In *Zhivodejstvuyushchaya svyaz' yazyka i kul'tury: materialy konf., posvyashchyonnoj yubileyu prof. V. N. Teliya: v 2 t.* (The Vital Link Between Language And Culture: Conference Materials Dedicated to the Anniversary of Prof. V. N. Teliya in 2 vol.) Tula: Publishing house of the Tula State ped. University named after L. N. Tolstoy, Vol. 1, 65–67. (In Russian)].
- Пименова М. В. Терминология когнитивной лингвистики: концептуальная система и концептуальная картина мира // Термінологічний вісник. 2013. Вип. 2 (1). С. 129–134. [Pimenova, Marina V. (2013) *Terminologiya kognitivnoj lingvistiki: konceptual'naya sistema i konceptual'naya kartina mira* (Cognitive Linguistics Terminology: Conceptual System and Conceptual Worldview). *Terminological Vestnik*, 2 (1), 129–134. (In Russian)].
- Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. [Popova, Zinaida D., & Sternin, Iosif A. (1999) *Ponyatie «koncept» v lingvisticheskix issledovaniyah* (The Notion of “Concept” in Linguistic Research). Voronezh: VGU. (In Russian)].
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. [Slyshkin, Gennadij G. (2004) *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* (Cultural and Linguistic Concepts and Meta-concepts: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Volgograd. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. [Stepanov, Yuriy S. (1997) *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants: The Dictionary of Russian Culture. Research Experience). Moscow: Yazyki rus. kul'tury. (In Russian)].
- Телия В. Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 32–47. [Teliya, Veronika N. (1990) *Semantika idiom v funkcional'no-parametricheskom otobrazhenii* (Idiom semantics in functional-parametric mapping). In *Frazeografiya v Mashinnom fonde russkogo yazyka* (Phraseography in Computer Fund of Russian Language). Moscow: Nauka, 32–47. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023). [*Nacional'nyj korpus russkogo yazyka*. (2023, March 10) (The Russian National Corpus). Retrieved from <https://ruscorpora.ru>. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

КС — Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1955. [Ashukin, Nikolaj S., & Ashukina, Mariya G. (1955) *Krylatye slova: Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya* (Winged Words: Literary Quotations. Metaphors). Moscow: Gos. izd-vo hudozhestv. lit-ry. (In Russian)].

БАС — Большой академический словарь русского языка: 27 т. М.: Наука; СПб.: Наука, 2004. [*Bolshoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka: 27 t.* (2004) (The Great Academic Dictionary of the Russian Language). Moscow: Nauka; Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian)].

ПРН — Даль В. И. Пословицы русского народа. Полное издание в одном томе. М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2020. [Dal', Vladimir I. (2020) *Posloviцы russkogo naroda. Polnoe izdanie v odnom tome* (Proverbs of the Russian People. Full Edition in One Volume) Moscow: «Izd-vo AL'FA-KNIGA». (In Russian)].

ТСЖВЯ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 4: Р – В. [Dal', Vladimir I. (2000) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.) Vol. 4: P–V. Moscow: Russkij yazyk. (In Russian)].

СРМ — Колесов В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1.: А – О. СПб.: Златоуст, 2014. [Kolesov, Vladimir V. (2014) *Slovar' russkoj mental'nosti: v 2 t. T. 1.: A – O.* (Dictionary of Russian Mentality in 2 vol. Vol. 1 A – O). Saint-Petersburg: Zlatoust. (In Russian)].

СРИ — Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетание слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-idiomatika-dict.slovaronlain.com> (дата обращения: 10.07.2020). [Kustova, Galina I. (2020, July 10) *Slovar' russkoj idiomatiki. Sochetanie slov so znacheniem vysokoj stepeni* (Dictionary of Russian Idiomatics. Collocations with Meaning of High Degree). Retrieved from <http://rus-idiomatika-dict.slovaronlain.com> (In Russian)].

РСС — Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 3 т. Т. 3 / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. [Shvedova, Nataliya Yu. (ed.) (2003) *Russkij semanticheskij slovar': tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij: v 3 t.* (Russian Semantic Dictionary: an Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings: in 3 vol.), 3. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* (1961) Т. 12. (Modern Russian Literary Language Dictionary in 17 vol. Vol. 12). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russian)].

- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. П — РЯШКА / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. [Ushakov, Dmitrij N. (ed.) (1996) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3. P — RYaShKA* (Russian Language Explanatory Dictionary in 4 vol., Vol. 3 P — RYaShKA). Moscow: Terra. (In Russian)].
- СД — Толстая С. М. Славянские древности: этнолингвист. слов.: в 5 т. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). [Tolstaya, Svetlana M. (2009) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvist. slov.: v 5 t. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito)* (Slavic Antiquities: an Ethnolinguistic Dictionary in 5 vol., Vol. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito)). Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)].
- ФСРЛЯ — Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. [Fyodorov, Aleksandr I. (2008) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. (Russian Literary Language Phraseological Dictionary). Moscow: Astrel', AST. (In Russian)].
- ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка. М.: «ЮНВЕС», 2003. [*Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka*. (2003) (Phraseological Dictionary of the Russian Language). Moscow: «YUNVES». (In Russian)].
- ФССРЛЯ — Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. Т. 2 / Под ред. проф. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. [Tihonov, Aleksandr N. (ed.) (2004) *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t. T. 2* (Modern Russian Literary Language Phraseological Dictionary of the: in 2 vol. Vol. 2). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- ЭС — Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 26а: Резонанс и резонаторы — Роза ди-Тиволи, 1899. [Andreevskij, Ivan E. (ed.) (1899) *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza, I. A. Efrona*. Т. 26а: Rezonans i rezonatory — Roza di-Tivoli (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Vol. 26а. Resonance and Resonators — Rosa di Tivoli). (In Russian)].